

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ЯПСКОЙ ДЕРЕВНЕ

THE SYSTEM OF ORGANIZATION OF POWER IN YAPESE VILLAGE

I. Chininov

Summary. Traditional Yapese society was one of the most stratified in Micronesia. The system of leadership status and governance structure in the high-caste Yapese villages reflected the complex processes of early state formation in the island group.

Keywords: Yap Islands, the leaders, the leaders, the village, the organization of power, priests, magic, wizards, and social relations.

Чининов Игорь Викторович

К.и.н., н.с., Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН

chininov@mail.ru

Аннотация. Традиционное япское общество являлось одним из наиболее стратифицированных в Микронезии. Система руководящих статусов и структура управления в высококастовых япских деревнях отражала сложные процессы формирования раннегосударственных образований на этой островной группе.

Ключевые слова: Острова Яп, вожди, лидеры, деревня, организация власти, жрецы, магия, колдуны, социальные связи.

Островная группа Яп (состоит из четырех главных островов: Яп, Гагил-Тамил, Мап, Румунг, а также шести мелких), расположенная в западной части Каролинского архипелага, представляет пример, где сформировалось одно из наиболее стратифицированных микронезийских обществ, находящихся на стадии складывания раннегосударственных образований. Характерной особенностью япского общества являлось его деление на две касты: высшую и низшую. Деревни высшей касты располагались вблизи морского побережья, тогда как поселения представителей низшей касты находились во внутренних районах островов. Управленческая структура деревень обеих каст имела значительные различия. В данной статье будет показана система организации власти деревень высшей касты в период с конца XIX до середины XX вв.

В основе традиционной япской системы управления были две важные концепции. Земля и «голос» (или «речь»). Земля, по представлениям япцев, являлась вождем, и все руководящие статусы символически заключались в отдельных «землевладениях» («Землевладения» состоят из объединенных земельных участков: нескольких домашних (где возводятся строения) и сельскохозяйственных участков, частей лагуны для рыбной ловли и в идеале включает все важные экономические ресурсы, которыми владеют отдельные домохозяйства) и особенно в ее центральном фундаменте (каменный фундамент дома главного домашнего участка). Индивид, говоривший как бы от власти земли, был *пилунг* («голос»), т.е. ее голосом («Пи» имеет два возможных значения: «личность» или «давать», а «лунг» означает «голос» или «слово». Таким образом, *пилунг* может означать и «личность с голосом», и того, кто «дает слово». В обоих случаях смысл одинаковый.). В системе организации деревенской власти существовали три самых высококастовых социальных статуса или «голоса»: *пилунг*

ко бинав — «голос деревни», *пилунг ко пагаел* — «голос молодых людей» и *пилунг ни пилбизир* — «древний голос». Их носителями были вожди деревни, наделенные самой большой властью. Американский социальный антрополог Д. Лэбби приводит иные названия для двух последних вождей: *пилбизир ко бинав* — «старейшина деревни» и *ланган пагал* — «голос молодых мужчин» [1, Р. 95]. Для лучшего понимания функционирования управления деревней необходимо рассмотреть каждый статус отдельно.

Пилунг ко бинав был исполнительным главой деревни, на нем фокусировались все вопросы междеревенских и внутридеревенских взаимоотношений. Американский социальный антрополог Д. Шнейдер считает, что именно «*пилунг ко бинав* должен решать, что полезно, а что вредно для деревни, работать на благо и наказывать дурное посредством сверхъестественных санкций или карательными военными действиями» [4, Р. 113–117]. Важно отметить, что он не принимал самостоятельные решения и не действовал единолично. Все свои действия *пилунг ко бинав* должен был согласовывать с советом (*пуруй*), состоящим из главных представителей других руководящих «землевладений» деревни. В тех случаях, когда он действовал один и терял поддержку совета, его могли отстранить от должности, или, случалось, другие вожди организовывали его убийство.

Поскольку *пуруй* был органом принятия решений и легальной властью, вождь деревни оглашал его решения и представлял в нем свою деревню, когда совершался какой-либо проступок. Вождь вместе с советом могли вмешиваться в споры между лидерами «землевладений», когда это становилось угрозой подрыва солидарности в деревне. Посредничество между борющимися «землевладениями» было одной из наиболее важных обязанностей деревенского вождя, а его дом служил ме-

стом убежища для лиц, нуждающихся в защите. Но, как правильно отметил Д. Шнейдер, деревенский вождь мог быть посредником только в тех случаях, когда его для этого приглашали [4, Р. 118–119]. По обычаю, люди всегда должны были просить его о помощи, когда дело доходило до межличностных споров (он не вмешивался, если ему не сообщали). После этого он использовал свое влияние и искусство «дипломатии», чтобы разрешить напряженную ситуацию. Причем это касалось как конфликтов внутри деревни, так и конфликтов жителей его селения с обитателями других селений.

На вожде лежали и экономические функции. Получая большую часть деревенских ресурсов по праву своего титула, он организовывал работы на благо всей деревни. Эти работы осуществлялись как с кварталами деревни, так и с другими селениями, с которыми его деревня имела социальные связи. В обязанности вождя входило знакомить деревенский совет с предстоящими работами, сборами пищевой продукции и традиционных ценностей (раковинные деньги и др.) для оплаты работникам, организовывать сбор материалов для этих работ. Такие виды деревенских работ, как садоводство, рыбная ловля, строительство мощеных дорог и новых каменных платформ, создание новых участков под таро и земельных насыпей на береговой полосе, также инициировались и организовывались деревенским вождем.

В социальных и церемониальных аспектах жизни общины (например, церемониальных обменах *митмит* и танцах) деревенский вождь также был лидером. Поскольку *митмит* (церемониальный обмен ценностями с другими политически связанными деревнями) требовал большого накопления пищевых ресурсов и традиционных ценностей, а доступ к ним имел исключительно деревенский вождь, то и планирование этого мероприятия находилось в его ведении, но должно было согласовываться в деревенском совете.

Деревенский вождь (*пилунг ко бинав*) был опекуном деревни и в религиозных вопросах. Если эпидемии, тайфуны или другие бедствия угрожали общине, вождь направлялся в священное место к жрецу и просил его о помощи. За такую поддержку он расплачивался ценными раковинами. Когда деревня нуждалась в хорошем урожае определенных видов сельскохозяйственных культур, вождь обращался за помощью к соответствующему магу, за помощь которого он также платил [2, Р. 100–101; 1, Р. 95–96].

Функции *пилунг ко пагаел* («голос молодых людей») заметно отличались от таковых деревенского вождя. Несмотря на то, что статус коренился в определенных «землевладениях», его власть касалась не земли, а молодых людей, которые были крайне важны для деревни,

поскольку выполняли все основные работы, включая защиту от внешних врагов, рыбную ловлю и обеспечение правопорядка внутри общины. «Вождь молодых людей» являлся их лидером и *ланган пагаел* — «устаи молодых людей», который слушал решения в совете. Если совет принимал решения по выполнению работ, началу военных действий или наложению социальных санкций внутри деревни, молодые люди были их исполнителями. «Вождь молодых людей» представлял их в совете и руководил ими при осуществлении поручений. Действуя как «деревенский бригадир», он собирал вместе молодых мужчин или молодых женщин, объявлял им задания по работе и следил за сбором и распределением пищевых продуктов, даваемых людям в качестве оплаты. В процессе работы он поддерживал их соперничество. Кроме того, «вождь молодых людей» был главным вестником (*тамелог*) деревни, представляя ее в других деревнях. В этом качестве он нес сообщения от имени членов своей деревни и ее совета к другим деревням Япа, а для усиления этих сообщений он часто брал с собой ценные раковины. В самых важных вопросах или к вождям самого высокого ранга «вождь молодых мужчин» нес сообщение лично, но в менее значимых вопросах или к вождям меньшего ранга, он посылал своих представителей. Примечательно, что «вождь молодых людей» использовал эту схему, в том числе и для сообщений решений совета жителям деревни.

Кроме того, он являлся хранителем всех ценных раковин. Когда ценности поступали в деревню, он размещал их в своем доме, но не мог использовать в личных целях, а хранил для нужд молодых людей. Он был *туланг* или тот, кто распределяет ценности различным деревенским лидерам и членам совета. Он наблюдал за сбором ценностей и их распределением, которое осуществлялось для посетителей деревни и для церемоний. В целом «вождь молодых людей» был исполнительным лицом деревенского совета [2, Р. 101–102; 1, Р. 95–96].

Пилунг ни пилбизир («древний голос»), как и деревенский вождь, имел власть через определенную землю. Он управлял значительными экономическими ресурсами, но в отличие от деревенского вождя не был уполномочен «говорить» за деревню. Скорее, «он старый, мудрый советник для вождей и совета» [2, Р. 102]. Обладая эзотерическими познаниями и мудростью, *пилунг ни пилбизир* делал необходимые замечания во время острых споров на совете. «Он был ответственным за сдерживание склонных к власти лидеров, осознавая основные ценности культуры, выраженные в почитании духов предков и в поведении, одобренными духами. Он выказывал пожелания в отношении правильных методов выполнения различных дел, и совет был вправе решить, являются ли они мудрыми, и стоит ли им сле-

довать, либо они неблагоприятны и нуждаются в пересмотре. Он тот, кто сидит и слушает, но не имеет силы осуществить или остановить принятие решения. Он может характеризоваться как «сидящий вождь» [2, Р. 102]. Власть «сидящего вождя» выражалась либо в способности отказать в обеспечении экономическими ресурсами мероприятия, с которым он не согласен, либо в угрозе применения сверхъестественных санкций.

В его обязанности входило также наблюдать за ритуалом и церемониальными очищениями в цикле традиционных религиозных предписаний. Как смотритель наиболее важного священного места *пилунг ни пилбизир* был лидером деревенского праздника (*тогмог*), проводимого ежегодно в честь духов-основателей деревни. Приготовления к этому празднику были его обязанностью, при поддержке деревенского вождя. Подношения духам предкам он осуществлял через жреца священного места.

«Сидящий вождь» (как и деревенский вождь) имел связи с вождями в других деревнях и с региональными вождями. Эти традиционные каналы обеспечивали «сидящего вождя» дополнительными средствами поддержки для своей деревни. В конфликтах между лидерами внутри деревни такие каналы связи часто использовались для политических интриг, заканчивавшихся смертью вождя на войне и изменением в системе власти и управления [2, Р. 102–103; 1, Р. 95–96].

В своем описании руководящих статусов в японской деревне немецкий этнограф В. Мюллер путает распределение властных полномочий среди трех деревенских вождей [3, S. 242–243]. Во-первых, он, вероятно, получил очень мало сведений о роли «вождя молодых людей» и считал этот статус не очень важным. Во-вторых, он приписывает решение внутридеревенских вопросов «сидящему вождю», которого называет *пилунг ни га* или *пилунг ко бинав*. В-третьих, он выделяет отдельный руководящий статус военного вождя (*пилунг ко маказ*), следуя примеру дуальной власти в Полинезии. Причем наделяет этого вождя большими полномочиями: «Военный вождь имел неограниченную власть над мужчинами, способными носить оружие, и мог сам начать войну и в том случае, если вождь деревни этого не хотел. Ведение войны было для него таким же источником дохода, как для его коллег раздача подарков. Если *пилунг ко маказ* узнавал, что в какой-то деревне много раковинных денег, он угрожал войной. Тайком ночью приходили парламентарии и старались склонить его к миру. Если денежное предложение, которым они подкрепляли свои хлопоты, было достаточно весомым, угроза войны могла считаться счастливо отведенной. Или же если военному вождю становилось известно, что некий человек в чужой деревне припрятал много денег, он приказывал

кому-нибудь из своего окружения при удобном случае убить обладателя богатства.

Если те, кого это коснулось, были достаточно разумны, чтобы уловить связь, они могли тут же выплатить достаточную сумму инициатору убийства, дабы избежать дальнейших раздоров. Если же они были честолюбивы и не могли из-за своего ранга так просто уступить, начинались переговоры, где они просили, чтобы военный вождь, дабы восстановить ранее существовавшее равенство и доброе согласие между двумя деревнями, позволил убить человека из своей собственной деревни. Часто послы много раз ходили в обе деревни, пока цена не представлялась вождю достаточной, и он не назначал жертву. Впрочем, если вождь был человеком компанейским, он охотно подавал знак, когда и где намеченную жертву можно спокойно застать вне деревни, на огороде или на лугу» [3, S. 243–244]. По данным более поздних исследователей (американские социальные антропологи Лингенфельтер и Лэбби), ситуация была более сложной, нежели та, которую описал В. Мюллер. Как уже отмечалось, «вождь молодых людей» играл очень важную роль в решении внешних, так и внутренних вопросов в качестве лидера молодежи и исполнительного лица деревенского совета. Также япцы практически всегда признавали деревенского вождя (*пилунг ко бинав*) лидером по экономическим и политическим вопросам и организатором военных действий. «Сидящий вождь» был лидером религиозного ритуала и защитником мира, влияющим на другие экономические и политические вопросы посредством рассудительных замечаний на решения и действия деревенского вождя и «вождя молодых людей». Д. Шнейдер хорошо поясняет роль деревенского вождя, но не придает значения важности «сидящего вождя» и «вождя молодых людей» [4, Р. 108–125].

Некоторые высокоранжированные деревни на Япе имели святилища, которые играли важную роль в традиционной японской религии. У каждого из этих священных мест был свой жрец — *петилив*. Жрецы на Япе были весьма влиятельными религиозными и политическими фигурами. Жрец являлся хранителем священного места, где молился и делал подношения обитающим там духам для благополучия жителей своей деревни и всего Япа. Он выполнял эти ритуальные действия исключительно по просьбам лидеров деревни или региональных вождей. Обычно посыльный доставлял ему такую просьбу и раковинные деньги для оплаты, после чего *петилив* просил духов деревни выполнить просьбу вождей. В некоторых случаях его вызывали на встречу с вождями, и он выполнял обряд, защищающий людей от болезней и других бедствий.

Согласно сведениям некоторых японских информантов, самые высокоранжированные жрецы часто говорили

№ п/п	вид деятельности	лидер	специалист по магии
1	садоводство и огородничество	пилунг ко волдуг	тамаронг ни ганийний
2	рыбная ловля с сетями	пилунг ко фита ни нуг	тамаронг ни писулог
3	рыбная ловля с факелами	пилунг ко фита ни магал	тамаронг ни дафнгуч
4	война	пилунг ко мал	тамаронг ни яв

на особом «языке духов», который не был понятен другим япцам. Если вождь желал пообщаться с такими жрецами, он получал переводчика — *тамананус*, который за определенную цену переводил обращения вождя жрецу. Эта практика служила для дальнейшего возвышения жреца и возрастания его власти и влияния и служила, по верованиям япцев, источником его сверхъестественной силы [2, Р. 104].

В целом вожди и жрецы действовали вместе для пользы деревни. Однако иногда вожди использовали сверхъестественную силу жрецов для насылания всевозможных бедствий. По просьбе вождя жрец мог вызвать духов, которые распространяли эпидемии, тайфуны, засухи или голод. Люди, которые не поддерживали вождя, могли быть, таким образом, наказаны, поэтому вождь и жрец внушали страх своей мощью. В то же самое время, по япским поверьям, считалось, что сила жреца подвергала опасности его самого, и если он часто использовал ее для злых целей, она уничтожала его [2, Р. 104].

В традиционной социальной структуре япской деревни существовало несколько меньших статусов, которые касались определенных общих видов деятельности (см. таблицу).

При совершении этих видов деятельности статусы лидера и мага дополняли друг друга. Полномочиями лидеров и магов в этих случаях часто могло обладать одно и то же «землевладение», и один и тот же человек, совмещавший светскую и сверхъестественную власть. Сверхъестественная сила, по верованиям япцев, обеспечивала успех мероприятию деревни и помогала лидеру в выполнении его задачи.

Власть этих индивидов ограничивалась соответствующим видом деятельности. Например, лидер рыбной ловли с сетями руководил экспедицией рыбаков от начала до конца, т.е. от решения готовить сеть до заключительного распределения улова; лидер садоводства и огородничества руководил совместным возделыванием культурных растений и собирал первые плоды урожая; военный лидер вел боевой отряд, а лидер рыбной ловли при факелах руководил ночными экспедициями для ловли рыбы за внешней стороной рифа. Соответствующие специалисты по магии действовали одновременно, обеспечивая успех мероприятию. Колдун рыбной ловли

с факелами обладал особой властью, называемой *ваярек*, по «управлению» приманками для большой рыбы.

Существовал и другой тип колдунов — *тамаронг ни сунаний* («личный маг»), власть которых олицетворялась не в земле, а в их корзинах (*вай*).

Тамаронг ни сунаний (им могла быть и женщина) знал несколько видов магии (любовная, лечебная, военная и др.), которым он обучался у различных специалистов по магии и мог быть призван на помощь отдельным лицом, который нуждался в сверхъестественной поддержке. Примечательно, что, по представлениям япцев, он не имел большой силы в каком-либо отдельном виде магии и осуществлял магические действия чаще для рядового островитянина, нежели для вождя или всех людей в целом. Не имея политической власти или статуса в деревне, «личный маг», тем не менее, получал традиционные ценности за свою работу и мог накопить значительное богатство.

Необходимо отметить, что на Япе не было двух деревень, в которых бы в точности совпадало распределение соответствующих функций и полномочий. Некоторые деревни определяли власть носителей описанных статусов по-своему, в других не включали какой-нибудь отдельный статус или комбинировали его функции с другим. Тем не менее общая структура распределения политической власти внутри япских деревень была такой, как рассматривалось выше [2, Р. 105].

Подразделение деревни на меньшие локальные единицы очень важно при изучении структуры ее власти. Двумя подразделениями деревни являлись квартал (*балей е бинав*) и субквартал (*гиларуч*). Каждое из них имело свои функции в управлении общиной.

Система лидерства в деревенских кварталах соответствовала той, что была в деревне. Каждый *балей е бинав* имел *пилунга* или вождя квартала и «вождя молодых людей». Власть этих лидеров соответствовала власти деревенских вождей и обычно в своих кварталах деревенские лидеры были и их лидерами. Вождь квартала (как и деревенский) «говорил» от имени «землевладения» своего квартала, и сфера его деятельности лежала внутри деревни и касалась деревенских вождей и лидеров «землевладений» его квартала. Подобно деревенскому вождю он не мог действовать один, а обязательно со-

вещался с советом квартала в принятии решений. Как экономический лидер квартала *пилунг* действовал в качестве организатора основных мероприятий, но в этом случае он обычно советовался с деревенским вождем. Часто кварталы состязались друг с другом, используя стимул интенсивного соперничества для мотивации людей [2, Р. 106].

Вожди квартала, имевшие *небаей* (дом собраний), руководили церемониальными обходами, танцами и другими общинными делами. В планировании этих мероприятий роль вождя квартала соответствовала роли деревенского вождя, хотя перед этим требовалось обсуждение с деревенским вождем, мнение которого обязательно принималось во внимание. В некоторых случаях для обслуживания церемонии вызывался колдун или жрец. Если колдуны проживали в квартале, ее вождь просил их оказывать услуги, но просьба, которая была вне компетенции колдуна, исходила исключительно от деревенского вождя. Власть вождя квартала ограничивалась высокоранжированным вождем, по отношению к которому у него были определенные обязательства и от которого он получал поддержку.

Власть «вождя молодых людей» квартала также соответствовала власти деревенского «вождя молодых людей». Он был голосом молодых людей в совете квартала, старшиной при проведении местных работ, вестником секционного вождя внутри квартала и в других районах, где вождь мог иметь полномочия. Он являлся лидером по сборам и распределению в своем квартале и следовал общим обязательствам перед высокоранжированным деревенским «вождем молодых людей» [2, Р. 107].

Деревенские субкварталы в основном зависели от взаимодействия друг с другом внутри своего квартала и были не в состоянии собирать достаточное количество ресурсов, чтобы стать автономными. Управление внутри субкварталов главным образом ограничивалось статусом, который очень напоминал деревенского «вождя молодых людей». Он мог называться «вождь молодых людей», рабочий лидер (*гиренг ко марвел*) или лидер по сбору и распределению (*туланг*), но во всех случаях обязанности были одни и те же. Этот лидер руководил экономической, политической и социальной деятельностью своего субквартала, которая инициировалась вышестоящими вождями, а также представлял «землевладения» своего субквартала перед вождями. Лидером субквартала, который включал «землевладение» деревенского вождя или вождя квартала, являлся любой из этих вождей, а глава второго по рангу «землевладения» обычно действовал как рабочий лидер или исполнительное лицо. В субкварталах, не имевших титулованных «землевладений», глава самого высокоранжированного «землевладения» был лидером субквартала.

Примечательно, что даже в низкоранжированных субкварталах была представлена структура ранжирования, и лидеры этих субкварталов имели в подчинении глав «землевладений», которые действовали как его помощники или были готовы получить власть, если руководящее «землевладение» утрачивало позицию либо в ней отсутствовал способный лидер.

Статус «сидящего вождя» (*пилунг ни тилбизир*) определенно отсутствовал и в кварталах и в субкварталах. Первая причина этого лежит в ограниченной власти вождей кварталов. Голос третьего вождя не требовался для баланса власти лидера квартала или субквартала, срединная позиция которых в иерархии власти давала возможность контролировать их высокоранжированным вождям. Иное дело — деревенские вожди, которые находились на вершине структуры местной власти. Как уже отмечалось, статус «сидящего вождя» подразумевал противостояние двух других могущественных лидеров деревни: деревенского вождя и «вождя молодых людей». Другая причина отсутствия этого статуса в кварталах и субкварталах заключается в том, что священные места деревни (основа особой власти «сидящего вождя») обычно не находились в низкоранжированных кварталах и субкварталах, а когда они были там, то их контролировал деревенский «сидящий вождь».

В кварталах и субкварталах находился еще один весьма интересный статус власти: *авчаен е пилунг* — «глаза вождя». Этой властью наделялось «землевладение», имевшее особые взаимоотношения с деревенским вождем, и носитель этого статуса действовал в виде «глаз и ушей» вождя в соответствующем квартале. Он имел высокий ранг в качестве особого представителя вождя и включался в деревенский совет как высокоранжированный член деревни. *Авчаен е пилунг* отвечал перед вождем и сообщал ему информацию о действиях квартала.

Деревенские кварталы могли иметь младшие статусы лидера сельскохозяйственных работ, рыбной ловли с сетью, рыбной ловли с факелами или войны. Сопутствующие им статусы колдунов также могли быть, хотя и не обязательно. Например, при рыбной ловле с сетью к колдуну могли обратиться соответствующие лидеры, дабы он помог им при помощи магии иметь хороший улов. Все эти младшие статусы не встречались в организации субквартала [2, Р. 108].

Для полной картины системы лидерства в традиционной япской деревне необходимо рассказать о нескольких типах «технических специалистов», выполнявших весьма важные роли в жизнедеятельности общины.

Одной из таких главных фигур был *такхач* — «прославленный воин». Каждая деревня могла объявить

семерых своих воинов «прославленными» — неважно, были ли они титулованы за счет земли или нет. *Такхач* вел воинов на битву, руководил экспедициями на острова Палау для добычи каменных денег и даже занимался строительством мужских домов. В бою он распознавался по особому головному убору и татуировке и в своем особом каноэ вел воинов деревни на схватку.

Другим важным «специалистом» был *палув* — «капитан каноэ» и навигатор, который руководил всеми плаваниями от Япа до Палау за раковинными деньгами или к зависимым центральнокаролинским атоллам. Права на это искусство не были «привязаны» к земле, а приобретались путем покупки у предыдущего навигатора, либо наследовались у отца, который имел такую специализацию. Вместе с навигационным искусством *палув* изучал соответствующую магию и заодно приобретал полномочия колдуна для дальних плаваний. Навигационные познания приобретались япцами Гагила от жителей центральнокаролинских атоллов, где искусство мореплавания находилось на более высоком уровне развития.

Обучение строительному искусству также либо оплачивалось, либо наследовалось от отца к сыну. Существовало несколько особо почитаемых лидеров профессиональных специализаций: *салап ко мув* («мастер по строительству каноэ»), *салап ко нау* («мастер по строительству домов»), *салап ко вунбей* («мастер по строительству каменных платформ»). Ученик несколько лет обучался у своего отца или учителя, с которым расплачивался каменными или раковинными деньгами. В процессе обучения приобретались не только навыки конкретного ремесла, но и эзотерические познания, позволявшие впоследствии стать и специалистом по магии в этой специализации. Во время всех главных строительных работ требовалось участие таких специалистов, труд которых оплачивался продовольствием или традиционными ценностями. При этом *салапы* щедро распре-

деляли полученное вознаграждение (в япских легендах рассказывается, что те *салапы*, которые быстро обогащались, также быстро умирали).

Прорицатели тоже играли заметную роль в традиционном управлении (на Япе существовало минимум двенадцать различных способов предсказания будущего). В япской социальной жизни жрецы самых высших святилищ ежегодно проводили специальные ритуалы, призванные предсказывать такие события, как исход войны, смерть лидера или надвигающиеся бедствия. Эти ритуалы были частью регулярного цикла религиозных предписаний, и эти ежегодные откровения были весьма желанны для привилегированных верховных вождей. Деревенские вожди, которые не имели доступа к такой информации, обычно обращались к местному предсказателю — *таманбей*, который предсказывал исход их замыслов (успехи в войне и др.)

В заключение необходимо отметить, что в деревнях имелись определенные «землевладения» и индивиды, искусные в традиционной медицине. Например, «землевладение», которое было держателем титула *татагулий* — «исцеляющий ранения, полученные в битве» занималась лечением ран. Другие типы лечения были известны в каждой семье, хотя некоторые семьи обладали особыми познаниями. «Землевладение», владеющее особыми медицинскими познаниями, называлось *татафалей* — «место медицины». Очень серьезные заболевания, по представлениям япцев, были следствием колдовства, и для их лечения вызывался колдун [2, P. 112].

Таким образом, мы видим, что япские деревни высшей касты имели весьма сложную управленческую структуру и систему иерархических статусов, что являлось одним из признаков становления раннегосударственных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Labby D. The Demystification of Yap. Chicago, 1976.
2. Lingenfelter Sh. Yap: Political Leadership and Culture Change in an Island Society. Honolulu, 1975.
3. Müller W. Yap. // Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908–1910. II. Ethnographie: B. Mikronesien. Band 2. Halbband 1. Hamburg, 1917.
4. Schneider D. The Kinship System and Village Organization of Yap, West Caroline Islands, Micronesia: a Structural and Functional Account. Ph.D. dissertation, Harvard, 1949.

© Чининов Игорь Викторович (chininov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»